

Дэвид Харрингтон: Шнитке звучит над временем

Русская телеграф — 1998 — 1 апр. — с. 10

Сегодня в Большом зале консерватории — второе московское выступление «Кронос-квартета»: знаменитый американский ансамбль исполнит все четыре струнных квартета Альфреда Шнитке. С лидером «Кронос-квартета» ДЭВИДОМ ХАРРИНГТОНОМ беседует ЮЛИЯ БЕДЕРОВА

— Дэвид, сегодняшняя акция должна иметь большое значение для русского слушателя. Что вам в ней интересно в первую очередь?

— Эффект возвращения. Музыка Шнитке, рожденная в России, покинула эту страну. Сам композитор из нее уехал, и именно то, что мы — американцы — вернем ее русскому слушателю, для меня и интересно. Такой же эффект круга был нам интересен вчера, во время исполнения «Оперы призраков» китайского композитора Тана Дуна. Во времена его детства весь Китай говорил по-русски. Потом время изменилось, и теперь, когда мы представляем эту китайскую оперу в России, возникает такой же эффект круга.

— В российской исполнительской традиции музыка Шнитке имеет ярко выраженный романтический и социокультурный аспект.

— Да, возможно. Но для нас музыка Шнитке — это прежде всего широкая палитра цвета, которой мы можем найти соответствие в широкой палитре звука. Романтическая традиция — только одна из составляющих музыки Шнитке, частично инспирированная музыкой Шенберга и Веберна. Но нас прежде всего интересует духовный конфликт, а он выражается очень многообразно. Для меня вообще музыка Шнитке — очень личностная. Например, последняя страница Четвертого квартета Шнитке — одна из самых печальных в мировой музыке. Музыка Шнитке для меня — самая развитая, самая развер-

нутая музыка из всей, когда-либо мною слышанной. Очень немногие композиторы могут выразить этот трагедийный аспект. Возможно, многие могут понять, но не многие могут выразить его так чисто и так выразительно. Шнитке звучит как миф. Он звучит над временем. В этой музыке есть поразительная темнота, тяжесть и при этом удивительное излучение. Вот вы улыбаетесь, и от вас исходит излучение. А у Шнитке — странное излучение без улыбки. Через его музыку мы понимаем что-то важное в самой природе жизни.

— Вы любите складывать большую развернутую композицию из разной музыки, из разных произведений. Можно ожидать чего-то подобного и сегодня вечером?

— Да, вы правы. Я нахожу все квартеты Шнитке частями одной большой композиции. Это как бы громадная вещь. Элементы Четвертого квартета, написанного в 1989 году, я нахожу в Первом квартете, и мы хотим, чтобы слушатель услышал эту звуковую взаимосвязь всех квартетов. Четвертого и Первого. Или Второго и Третьего.

— На вашем диске «Ранняя музыка» Шнитке звучит действительно над временем. Вам было интересно исследовать время?

— Да. Было интересно, как разная музыка выражает время. Например, Первый струнный квартет Кейджа звучит как ренессанс. В Третьем квартете Шнитке мы слышим музыку Орландо Лассо. Мне вообще хотелось бы свернуть эту цепочку

— прошлое, настоящее, будущее — в одно длительное настоящее. На диске «Ранняя музыка» мы искали чисто звуковые взаимосвязи между музыкой разных стран и времен. Мы говорим об истории посредством самого звука, и сама музыка может структурировать гул прошлого.

— Когда «Кронос-квартет» звучит подобно ансамблю ударных или как вокальный ансамбль, это кажется удивительным аттракционом. Но я думаю, ваша цель — не аттракцион?

— Да, действительно. Самое важное — это то, как индивидуальность композитора становится ясной, очевидной именно через обращение со звучанием струнного квартета. Мы действительно можем играть как духовые инструменты или ударные. Больше всего захватывает именно свобода, находящаяся в ограничении. Мы хотим соотносить звучание струнного квартета со всеми звуками, которые мы когда-либо слышали.

— Вы играете больше 100 концертов в год, иногда до 300. Как вы находите время учить новые композиции? Как долго вы учите новую сложную вещь, например, квартет Шнитке?

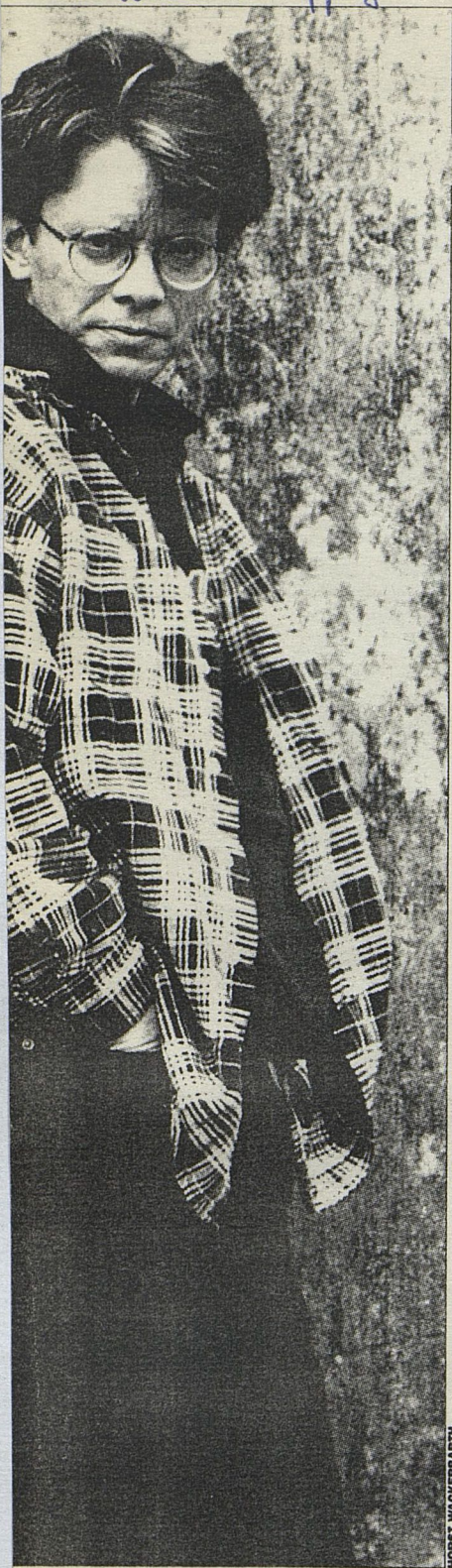
— Иногда больше двух лет. На Четвертый квартет у нас ушло так много времени потому, что мы долго не могли понять форму этого сочинения.

— Вас не смущает консерватизм академической публики?

— Что вы, что вы! Самая консервативная — это джазовая публика. Вот ее я действительно побаиваюсь.

— Вы никогда не пытались сочинять сами?

— Почему же? Очень часто. Например, диск «Ранняя музыка» — вот мое сочинение.

HORST WACHSBERG

Дэвид Харрингтон — первая скрипка и интеллектуальный вождь «Кронос-квартета»